

18+

Екатерина Дзигунская

31 декабря

Екатерина Дзигунская

31 декабря

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63618867

ISBN 9785005300652

Аннотация

Уже год Никита тяжело переживает потерю невесты, как вдруг в его жизни появляется Жанна. И теперь в сердце Никиты идет борьба между зарождающимся новым чувством и прежней любовью, которую не хочется предавать.

Содержание

1 декабря	5
2 декабря	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

31 декабря

Екатерина Дзигунская

Редактор Asya Rait

Корректор Н. Д. Вахитова

Дизайнер обложки Катя Внукова

© Екатерина Дзигунская, 2020

© Катя Внукова, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0053-0065-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1 декабря

Он не сразу понял, что вытянуло его из сна: входящий звонок или будильник. Пока рука судорожно пыталась нащупать телефон, тот замолчал, но практически сразу заиграл снова. Определенно, это был входящий. Лишь один человек мог звонить так назойливо.

– Только не говори, что я тебя разбудила.

– А который час?

– Без пяти одиннадцать.

Он громко вздохнул.

– Да, ты меня разбудила.

– Ник, ты же понимаешь, что это ненормально?

На этот вопрос он решил ответить молчанием.

– Мне сказали, тебя уволили.

– Твоя разведка плохо работает. Это было неделю назад.

– Неделю?! Ник, мы три раза созванивались! Почему ничего не сказал?

– Чтобы хоть немного пожить без вот этих воплей.

– И что теперь?

– Ничего.

– Мама знает?

– Нет.

– Расскажешь?

– Потом. И ты молчи.

– Надо думать, что делать.

– Тебе не надоело меня опекать?

– Я – твоя сестра. Не надоело.

– Жаль.

– Ты за эту неделю из дома хоть раз вышел?

– А зачем?

– Так, я приеду через час. Посидим в кафешке возле твоего дома.

– Лена, нет! Я не выйду.

– А куда ты денешься? – и она положила трубку.

Никита уронил руку, в которой держал телефон. Что они все от него хотят? Сестра, мама, пацаны – все пытаются его куда-то выдернуть. Почему бы им просто не забыть о его существовании?

Он сел, снова включил телефон, открыл галерею и сразу же увеличил первое фото. С него, призывно улыбаясь и слегка наклонив голову, смотрела брюнетка с пронзительными голубыми глазами. Никита принялся листать фотографии. Вот она танцует на барной стойке, вот они толпой уплетают шашлык. В камеру никто не смотрит, все едят. Вот с мамой в обнимку на кухне, вот с Ленкой показывают языки. Вот он тащит ее на руках через речку, а вот держит на шее на концерте их любимой Металлики. И она везде смеется. На каждом фото. Ее чуть хриловатый смех всегда будоражил его до мурашек. Никита выключил телефон и, крепко зажмурившись, тряхнул головой. Мужики не плачут.

Свесив ноги с кровати, он задел пустую стеклянную бутылку, и та, упав, покатила по полу. Никита следил за ней взглядом, пока она не остановилась, ударившись о другую такую же бутылку.

– Да, Настюха, фигня, – вслух сказал он и пошел в ванную.

Пока Никита шел к столику, Лена критично разглядывала брата. Светлые потертые джинсы, черная мятая худи с надписью «Let's spoon», волосы растрепанные и стоят торчком. Недельная щетина.

– Что за вид? – спросила она, как только Никита подошел. – Ты себя в зеркало видел?

– А я говорил тебе не приезжать, – угрюмо ответил тот, тяжело опускаясь на стул.

Лена посмотрела на него, поджав губы. Русые волосы, карие глаза и сдержанный характер, приправленный ироничным чувством юмора, делали ее брата любимцем всех девушек. Сейчас от этого любимца не осталось и следа.

– Почему в мятой одежде?

– Потому что мне плевать, поняла? Потому что я не хочу выходить из дома и видеть всю эту предновогоднюю хрень.

И Никита с раздражением уставился на искусственную елочку, стоящую на их столике. Лена молча убрала елочку.

– Новый год-то при чем?

– При том, что он будет без нее.

– Ник, я все понимаю, но уже год прошел. Нужно выка-

рабкиваться.

– Год будет послезавтра.

– Я знаю. Ты пойдешь?

– Никуда я не пойду.

– Это некрасиво. Надо пойти.

– Тебе надо, ты и иди.

Лена громко втянула носом воздух. К такому агрессивному отпору брата она не была готова. Неделя со своими мыслями наедине сделала свое дело, и положение надо было исправлять. Задумчиво разглядывая Никиту, который сидел нахохлившись и смотрел в то место, где недавно стояла елочка, Лена пыталась найти слова, которые смогли бы хоть как-то его успокоить.

Слова не находились, пауза затягивалась, но Никите, казалось, было все равно. Подошедший официант принес еду, которую Лена заказала, пока ждала брата. Когда перед ним появилась тарелка с его любимыми варениками, Никита поднял глаза и посмотрел на сестру с благодарностью и раскаянием.

– Извини за резкость, – сказал он, беря в руки вилку. – Неделя совсем дурацкая получилась.

Лена улыбнулась и ласково посмотрела на брата.

– Помнишь, как я страдала, когда меня Леха бросил? Лежала в постели, рыдала и отказывалась есть, а ты приходил ко мне в комнату и кормил с ложки.

Никита хмыкнул и кивнул.

– Ты тогда сказал мне: «Еда, конечно, не поможет, но пока ты жуешь, ты особо не думаешь. А тебе сейчас очень важно не думать», – Лена замолчала, многозначительно глядя на брата. А тот молча смотрел на нее.

– Поверь мне, я делал все, чтобы не думать, – сказал он наконец.

– Это ведь не означает, что ты снова превращаешься в алкоголика, правда?

– Это означает, что у тебя очень хорошая память. Тебе тогда еще двадцати не было.

Лена открыла было рот, чтобы ответить, но у Никиты зазвонил телефон. Он посмотрел на дисплей, а потом испуганно посмотрел на Лену.

– Это мама! Что ты ей сказала?

Лена, в свою очередь, тоже с легким испугом посмотрела на телефон, а потом на брата.

– Ничего я ей не говорила! Спокойно. Дай сюда.

И не дожидаясь, пока Никита протянет ей телефон, она сама схватила его и ответила на вызов.

– Привет, мамуль.

– Леночка? Привет. А я Никите звонила.

– Это его телефон, мы просто в кафе вместе сидим.

– Да? Ну, дай мне его, пожалуйста.

– А-а-а сейчас не могу. Он в туалет вышел. А что-то случилось?

– Нет, хотела узнать, как он там.

- Держится. Выглядит хорошо. В общем и целом нормально, – Лена в упор посмотрела на брата. Тот отвел взгляд.
- Я бы так хотела, чтобы он заехал!
- Мы приедем, мамуль. Дай нам часа три, и мы будем у тебя. Если ты не будешь занята, конечно.
- Не буду! Не буду занята. Приезжайте!
- Все, договорились. До встречи.
- Лена положила трубку.
- Ты с ума сошла? – зашипел на нее Никита.
- Она хотела, чтобы ты приехал! Что я должна была сказать?
- Блин! Она же обязательно про работу спросит.
- Спокойно. Прорвемся. Сейчас поедим, поднимемся к тебе, ты приведешь себя в порядок и поедим.

Никита послушно позволил мягким маминым рукам нежно прикоснуться к своему лицу, а потом так же послушно подставил лоб для поцелуя. Нет, ему никогда это не нравилось, но это был ритуал, который надо было обязательно соблюдать. И весь последний год ритуал этот странным образом успокаивал его. Это было нечто незыблемое и неизменное. Хоть что-то в этом мире оставалось таким.

Еще теплое мамино печенье, которое она успела приготовить к их приезду, липовый чай, они втроем в маленькой гостиной, по телеку фоном какая-то передача... А вдруг весь последний год – просто кошмарный сон? Вдруг ничего

не было? Сейчас от Настюхи придет какой-нибудь дурацкий мемчик, а через час он сорвется к ней на свидание. И она, конечно же, запрыгнет на него, а он обнимет ее крепко-крепко. Живую и невредимую.

– Как дела на работе?

Никита слегка вздрогнул и посмотрел на маму.

– Нормально, – ответила Лена, пожимая плечами. – Новостей ноль.

– А у тебя, сынок? – мама посмотрела на него своим ласковым, но при этом внимательным взглядом.

– Я уже неделю не работаю, – ответил Никита, слегка замявшись.

– Что случилось? – в голосе мамы появилась тревога.

– Ник, ну ты маму так не пугай, – вклинилась в разговор Лена. – Их просто отправили в отпуск за свой счет. Такая вот попытка выхода из кризисной ситуации.

– И когда ж теперь снова на работу?

– Ну, когда? После Нового года.

– Да? – мама повернулась к Никите, который все это время молчал.

– Ага, – ответил он, отводя взгляд.

– А вообще, я считаю, нужно подумать о том, чтобы подыскать себе что-то более стабильное, – сказала мама. – Раз фирма уже отправляет людей в отпуск за свой счет, значит, дело плохо.

– А знаешь, ты права, – сказала Лена. – Ник, что дума-

ешь? Может, после Нового года поищешь новую работу? – она чуть улыбнулась и подмигнула брату.

– Да, после Нового года займусь этим. Обещаю, – ответил Никита, почувствовав облегчение от того, что так удачно все повернулось и не пришлось сильно врать.

– Может, останетесь у меня с ночевкой? – спросила мама. – Я блинчиков утром сделаю. Или ленивых вареников. Мы так давно не оставались вот так, все вместе!

Никита с Леной переглянулись. Остаться не очень хотелось, но огорчать маму хотелось еще меньше.

– Конечно, останемся, мам, – сказал Никита, чуть улыбнувшись. – Я за вареники.

2 декабря

Кафельные стены, кафельный пол, мерцающая лампочка и холод от постоянных сквозняков. Никого. Только уставший человек в белом халате и Никита.

– Полученные травмы оказались несовместимы с жизнью. Простите.

Человек в белом халате прячет руки в карманы и опускает голову. Коридор начинает быстро увеличиваться, а сам Никита начинает становиться все меньше и меньше. Хлоп! И все снова приобретает реальные размеры. Только на месте человека в белом халате теперь стоит она и смотрит на него своими пронзительными голубыми глазами.

Никита сел в кровати, тяжело дыша и не совсем понимая, где находится. В окна падал серый свет пасмурного дня. Еще раз оглянувшись по сторонам, он вспомнил, что они с Ленкой остались у мамы. Тихо застонав, Никита снова опустился на подушку. Теперь до его слуха донесся шум воды и бряцание посуды на кухне. Стало спокойнее. Он закрыл глаза.

Эта фраза словно преследовала его во сне. Сны были разные, но в каждом из них уставший врач бесцветно говорил: «Полученные травмы оказались несовместимы с жизнью. Простите». Как можно так обезличить смерть? Как можно было так обезличить *ЕЕ* смерть? Просто дежурная фраза, по-

делившая его жизнь на до и после. Обычная дежурная фраза. Никита резко встал с кровати и быстро вышел из комнаты. Не думать, главное не думать.

«Никитич, запарил уже отмазываться! Сегодня в восемь собираемся в „Пиле“. Давай приходи». Никита устало положил телефон в карман и, зайдя домой, остановился на пороге. Душная тишина заложила уши. Его не было сутки, и создавалось такое ощущение, что квартира не ждала его возвращения. Она как будто затаилась. На секунду у Никиты появилось ощущение, что за ним следят. Потом – что в квартире кто-то спрятался.

– Бред, – вслух сказал он.

Достав из кармана телефон, он прошел в комнату и, остановившись в центре, стал оглядываться по сторонам. Ощущение, что в квартире есть кто-то кроме него, не проходило. Он посмотрел на шифоньер, потом на кровать: это были единственные места, куда можно было спрятаться. Постояв так несколько секунд, он нарочито спокойным шагом пошел на кухню, по дороге глянув в открытую дверь ванной. Зайдя на кухню, он положил телефон на стол, открыл ящик и, чувствуя, как пружиной сжался каждый его мускул, достал нож. За спиной раздался пронзительный звон и угрожающее непонятное дребезжание, заставившее Никиту буквально подпрыгнуть на месте, а потом круто повернуться, выставив руку с ножом вперед. Сзади никого не оказалось. Обезу-

мевшими от страха глазами он стал шарить по кухне, пока его взгляд не наткнулся на телефон, экран которого все еще горел. Ему пришло сообщение, а угрожающим непонятным дребезжанием была всего лишь вибрация телефона, лежащего на столе. Сердце колотилось, готовое вот-вот разорваться от напряжения, все тело предательски дрожало и, впервые за свои двадцать семь лет, Никита понял смысл выражения «ноги стали ватными».

– Да, Настюха, кажется, я становлюсь параноиком, – сказал он, швыряя нож на стол и открывая сообщение.

«Никитич, ну так че?»

– Придурок, – чуть презрительно пробурчал себе под нос Никита, сам толком не зная, кого он имеет в виду, и написал: «Буду».

Паб уютно жужжал разговорами и, наверное, это было единственное место в городе, где не играли приторные новогодние песенки. Зато играл его любимый «Aerosmith». Все уже собрались, он опоздал на тридцать минут и теперь подходил к их столику с тягучим страхом того, что сейчас окажется в центре внимания.

– Всем привет, – он постарался как можно быстрее сесть на стул.

– О, привет, Никитич, – они посмотрели на него так, будто расстались с ним только вчера. – Как оно?

– Живу, – ответил он, обводя всех четверых взглядом.

Они кивнули и вернулись к прерванному разговору. А он облегченно вздохнул.

Уже час беседа текла, обволакивая его, как речная вода обволакивает стоящий на ее пути камень. Можно было не участвовать, изредка невольно улыбаясь каким-то шуткам, и он был благодарен пацанам за то, что они не стали делать событие из его появления. Да, они умели понимать и, когда нужно, сделать вид, что ничего не происходит. Он как-то забыл об этом.

Так было и в тот день, когда он пришел к ним с Настюхой. Это был, конечно, пипец! Ее накрыл приступ дикой тупой ревности: она никак не хотела верить, что он встречается с друзьями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.